

Андрей Дашков

Реальность страха

...Она была абсолютно уверена в реальности мира и в реальности страха, и что же теперь реально?¹

Джек Керуак.

Мы упразднили истинный мир — какой же мир остался? быть может, кажущийся?.. Но нет! вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся!²

Фридрих Ницше.

1

Когда сидишь ночью на заправочной станции одна (старый хромой абориген не в счёт), разные мысли лезут в голову. Вспоминаешь прошлое — приятные вещи и не очень; в будущее заглядываешь как в колодец и думаешь, что бы такого принять, чтобы не тошнило от настоящего и от тебя самой. Твое обычное противорвотное средство — музыка

¹ Перевод А. Герасимовой.

² Перевод Н. Полилова.

из старых времен, хотя и с нею часто выходит явная передозировка, но ты все равно включаешь потяжелее, чтобы к стенке прижало, помассировало края витальной дырки, через которую жизнь влетает и вылетает, когда ей вздумается, — вдруг откроется и впустит какое-нибудь лекарство от тоски.

А спустя некоторое время выключаешь, потому что музыка вызывает у тебя болезненное ощущение ущербности: она вся, как назло, о том, чего здесь нет и, ты уверена, никогда не будет. Можно, конечно, надеяться на чудо, но ты уже слишком взрослая для дешевых чудес, да и для дорогих, честно говоря, тоже. Скепсис у тебя в крови, а кровь — она как фреон в холодильнике. Это даже нельзя назвать тотальным разочарованием, потому что ты ни разу не была никем и ничем очарована, ты незаметно проехала станцию, на которой надо было выглянуть в окно и воскликнуть: «О!!!»

Может быть, ты хочешь от жизни слишком многого? Но ты даже не знаешь — чего. Сидишь и перебираешь все, на что способно твое воображение. Оно у тебя буйное, способно на многое, уводит далеко, дай бог вернуться, только в конце каждой дорожки — тупик, и ничего ты там не находишь. Себя ты ощущаешь черствой и жесткой. И думаешь: может, надо было стать

наемником, этаким солдаткой удачи — из тех, что не задают вопросов. Кстати, еще не поздно. Ты молода и находишься в хорошей физической форме. Даже в отличной форме для девушки. «Девушка» в данном случае — термин вполне медицинский. Вроде давно положено иметь мужика, но тебе до лампочки.

То, что ты видишь в зеркале, тебя устраивает, даже в таком виде — с невымытыми, коротко стриженными волосами, в спецовке, от которой несет табаком, в джинсах и армейских ботинках. В кармане спецовки лежит пачка презервативов. Ты не выбрасываешь их только потому, что срок годности — пять лет, так что спешить некуда. Витрина придорожного магазинчика, между прочим, набита всевозможными резинками, но ты держишь пачку при себе... Позволь спросить, на какой такой случай, мать твою?

И вообще, твои карманы набиты ненужным барахлом. Сигареты, хотя ты не куришь. Ключ от сортира, хотя дверь никогда не запирается. Свисток, в который ты не собираешься свистеть ни при каких обстоятельствах, чтобы не насмешить дьявола, — он и так наверняка ухмыляется, глядя на твое убожество. Что там еще в карманах? Монеты на сдачу. Брошюра «Сторожевой башни» — «Конец ложной религии близок!». Но для тебя и это слишком далеко... Вот пушку ты носила бы с

удовольствием. Но у тебя нет ни разрешения на оружие, ни денег на него, ни мыслей о том, где все это взять.

Да и что бы ты делала с пушкой? Стреляла бы по бутылкам? Ощущала бы себя в большей безопасности? Ну, пожалуй, да. Только сейчас и это не имеет особого значения. Никто всерьез не пытался тебя изнасиловать, но ты хочешь быть готовой к тому, что однажды это может случиться. И ты держишь в одном кармане баллончик со слезоточивым газом, в другом — нож, а в третьем — кастет. Подруга, да ты вооружена до зубов!

Тут ты перескакиваешь на воспоминания обо всех предложениях члена и сердца, которые ты когда-либо получала. Надо признать, в достаточно вежливой форме. Надо признать, кое-кто пытался за тобой ухаживать. Надо признать, кое-кого оттолкнула твоя хмурая морда, черный юмор, ядовитый язык и упрямое нежелание идти на компромиссы. Кое-кто упрекал тебя в неумении «договариваться с людьми». А тебе просто лень с ними договариваться. Проще договориться с аборигеном. Люди несут околесицу; они хотят того, на что тебе плевать; они жрут дерьмо, которое им скармливают Те, Что Взобрались На Самый Верх; они рвутся к кормушке, от одного запаха которой тебе хочется блевать. Так что у тебя может быть общего с ними?

Только жизнь, которую нужно как-то прожить.

* * *

Девушка порылась в своем личном несгораемом ящике, выискивая, что бы такого еще послушать. Всякий раз, выбираясь в город выходным днем, она забредала на барахолку и покупала за бесценок все старые диски с музыкой и фильмами, что попадались на глаза. Так у нее постепенно собралась большая и разнообразная коллекция. Рок, джаз, этно, блюз, трип-хоп, электроника, классика, авангард. В любом виде. Для любого состояния души — только душа, сволочь, не ценила, воротила нос, кайфовала с каждым днем и с каждой ночью все реже и реже, уже и не вспомнить, когда по-настоящему. Впору задать себе вопрос: может, потому у тебя и работа такая дерьмовая, для которой в Прекрасном Новом Мире есть аборигены и прочий деклассированный элемент, что радоваться разучилась, да, собственно, никогда и не умела? Чему радоваться, спрашиваешь? Выбирай: жратве повкуснее, дому попросторнее, тряпкам и шкуркам убитых животных, побрякушкам, железу на колесах, статусу гражданина, семейному гнездышку, мужниной любви, собственной пригодности к

деторождению. Просто тому, что еще коптишь...

Девушка знала ответы. В них не было ничего утешительного. Но у нее не осталось ни капли жалости к себе. Она испытывала неудобство, когда при ней распускали слюни. Себе лично она могла бы вынести любой приговор, но вряд ли согласилась бы с приговором, вынесенным другими.

Она поставила джазовый диск — тихий неназойливый «cool» — и смотрела на пургу за окном, которая заносила снегом забытую богом станцию.

2

Иногда ты думаешь, на что обрекает человека имя, если это вообще имеет какое-то значение. Например, ни одно из известных имен тебе не нравится. Значит, повод для внутреннего конфликта уже имеется. Как правило, имя получаешь в таком возрасте, когда никто не интересуется твоим мнением по этому поводу, да ты его и не имеешь. Не говоря о тех случаях, когда родители решают, как назовут тебя, еще до твоего рождения. Давайте будем снисходительны. Пусть в пятнадцать-шестнадцать-семнадцать лет (у каждого своя пора) человек выберет себе другое имя — какое сам захочет. А лет этак в сорок, сорок пять

пусть сделает это сознательно и возьмет, наконец, имя, с которым можно доживать свой век.

Когда собака находит другого хозяина, она получает новую кличку.

* * *

Иногда девушка входила в Сеть и подключалась к каналу «Ретро-жизнь», (слоган и лейтмотив: «Ценно лишь то, что мы потеряли»). Других пользователей было совсем мало, и все они находились очень далеко от нее. Она не вступала с ними в разговоры. Зачем? Они казались ей такими же ничтожными и полустертыми, такими же потерянными и непонятыми, как она. Слыша их призрачные голоса, она сама чувствовала себя призраком. Что они могли ей дать, кроме своего неведения, своей призрачности, своего бездоказательного полусуществования? А так, во внутренней тишине и одиночестве, она впитывала все, «что мы потеряли», и — да, постепенно поняла: только это имело хоть какую-то ценность.

У нее появились странные привязанности, о которых другим лучше было не рассказывать. Да и кому она могла рассказать? Аборигенам?.. Это были привязанности к старым, забытым, воистину *потерянным* вещам. Конечно, их нельзя было потрогать. Сейчас даже память об этих вещах

ускользала от нее. Она могла только пытаться уловить то призрачное сияние, что исходило от них.

Ясными ночами — особенно летом — девушка часто смотрела на звезды. Пара глубоких проваленных кресел стояла возле задней стены магазина. Многие часы она проводила в одном из них, потягивая пиво, лениво уставившись в медленную карусель неба и слушая что-нибудь старое, почти забытое. Перед ней была вся южная сторона купола, от края крыши вверху до каймы далекого черного леса внизу. Порой ей казалось, что куда-то туда переселилась ее душа, и с тех пор дом из мяса и костей остался пустым. Правда, есть еще приходящий ночной сторож — подслеповатая и глуховатая старая дева. От нее мало толку, но и вора́м здесь делать нечего.

Для пасмурных ночей у девушки тоже было припасено кое-что: атлас звездного неба, несколько книг по астрономии. Все это старое, изданное в середине прошлого века, *настоящее*. Уйма бесполезных сведений. Зачем, например, она знала, что центр Галактики, ее невидимое ядро, находится примерно в направлении границы созвездий Стрельца и Скорпиона, что недалеко от звезды Кси Геркулеса расположена точка пространства, куда движется Солнце, унося с собой Землю и другие тела системы, что «Антарес» означает «соперник Марса» или что Тритон, мать его так, —

единственный внутренний спутник с обратным орбитальным движением?

Одно время она собиралась купить себе любительский телескоп, потом поняла, что ей вовсе не хочется рассматривать кратеры на Луне, или спутники Юпитера, или Плеяды, или любой другой «объект», преподнесенный на черном блюде, через окуляр, или даже изображения с орбитальных телескопов на экране компьютера, что тоже не проблема. Ей нравилось видеть огромный циферблат вселенских часов в целом, а не отдельные его части, причем без посредников. В какой-то момент усеянная светящимися точками чернота начинала засасывать, что-то происходило с небесной линзой — девушка вдруг оказывалась в ее фокусе, а звезды и туманности приближались без всякой оптики, и единственное, что избавляло от головокружительного ощущения падения в бездну и опускало на землю, — это резь в мочевом пузыре.

* * *

Зачем аборигенам деньги?

Она неоднократно задавала себе этот вопрос, особенно двадцать пятого числа каждого месяца, когда на станции останавливался фургон из города. Кроме водителя, в фургоне находились человек в деловом костюме и двое охранников-аборигенов в

форменных комбинезонах и с автоматами.

Девушка всегда подходила к фургону первой. Деловой хлыщ спрашивал у нее, в каком виде она желает получить оговоренную в контракте сумму и продлевает ли контракт на следующий срок. Она брала небольшую часть наличными, остальное хлыщ тут же сбрасывал на ее личный счет нажатием нескольких клавиш на компьютере. Она получала квитанцию и проверяла остаток — катастрофически малый для того, что она задумала. Деньги прирастали слишком медленно, и ждать ей оставалось в лучшем случае еще несколько долгих лет. Если, конечно, у дьявола хватит терпения.

А абориген, ее хромой напарник, из которого сыпался не только песок, неизменно выгребал все положенные ему бабки, и вот тут девушка спрашивала себя, зачем ему столько хрустящей бумаги. И отвечала: не твое собачье дело.

Она действительно была нелюбопытна, и прошло больше года, прежде чем она решила от нечего делать проследить за аборигеном. То, что для этого надо было спуститься в подземку, ее не слишком напрягало, хотя о подземке старые (*настоящие*) люди, которых она изредка еще встречала во время своих вылазок в город, рассказывали всякое. Будь у нее в тот день настроение получше, может, она и предпочла бы не таскаться за аборигеном, а подключиться к

«Ретро-жизни» («Ценно лишь то, что мы потеряли») и «посетить» недавно обнаруженное кладбище кораблей на побережье мертвого океана...

Был, правда, другой вариант, попроще — спросить у аборигена в лоб, но девушка сильно сомневалась, что он скажет правду и вообще что-то скажет. Пока дело не касалось его прямых обязанностей, он предпочитал молчать и обладал ценным для постоянного напарника свойством никак не напоминать о своем присутствии. Она ни разу не замечала, чтобы он проявил интерес к чему-либо. Ей это нравилось. Подавляющую часть времени она оставалась наедине с собой, даже если старик шаркал где-нибудь поблизости. Его можно было не замечать, как предмет обстановки, но раз ходячая вешалка регулярно получала наличку, в этом должен быть хоть какой-то смысл. Впрочем, девушка была готова смириться и с обратным.

Не обнаруживая смысла в чем-либо, она испытывала что-то вроде абсурдного удовлетворения — рассчитывать выиграть в игре без правил было чересчур самонадеянно с ее стороны. И оставалось одно — продержаться подольше. А держаться чуть-чуть легче, если ты ни к кому не привязана и в любую минуту готова свалить с поля.

Кстати, аборигена звали Ной. Имя она

подглядела на экране портативного компьютера во время выдачи наличных. Ей казалось, что где-то она его уже слышала. Не исключено, что оно принадлежало какому-нибудь персонажу одного из бесчисленных старых (настоящих) фильмов, которые она проглатывала пачками по три-четыре за ночь. Или же имя было знакомо девушке по ее прошлой жизни. Иногда ей нравилось думать (вопреки доктринам, которые вбивали в ее башку в монастыре), что у нее была прошлая жизнь, — наверняка по той простой причине, что это означало бы и надежду на будущую.

3

Когда в каком-нибудь полутемном монастырском подвале, среди пустых бочек для вина, ты слушала тайком «дьявольскую музыку» и все твое существо трепетало, как вымпел на ветру, а призрак твоей свободы проходил сквозь стены подобно доброму дедушке, разносящему подарки, — ты начинала понимать, зачем совсем не голодной Еве понадобилось то проклятое яблоко. Ты тоже вкусила запретных плодов своего века (правда, далеко не всех) и могла бы поклясться, что от них не добавляется ни грамма дерьма.

Если ты жиреешь и заболеваешь, тебя не спасет никакая диета.

Они с напарником сдали смену в семь утра, и почти сразу же, затемно, абориген отправился в путь. Девушка выждала, пока закрылась дверь, оделась и последовала за ним.

На востоке брезжил серенький рассвет. В сводке погоды по радио обещали ненастный день и не обманули. Она шла по обочине шоссе, которое заметал снег. Далеко впереди маячил силуэт шкандыбающего Ноя. Она старалась держаться на таком расстоянии, чтобы оставаться неразличимой для аборигена, но в то же время не терять его из виду. Он едва полз, и она была вынуждена идти раздражающе медленно, в непривычном для себя темпе, и вдобавок начала замерзать. В общем, прогулка получилась та еще.

До границы города девушка обычно добиралась пешком минут за пятнадцать. В паре с аборигеном это заняло три четверти часа. За все время ей попались две встречные машины и две попутные. Не густо. Водитель грузовика, ехавшего в город, посигналил ей; она сделала вид, что ничего не произошло. В кабине наверняка было тепло... Грузовик обогнал аборигена, не притормозив, и скрылся в снежной пелене. Она подумала о том, каким образом водитель почуял женщину — по ее

фигуре в анорাকে с поднятым капюшоном этого не скажешь. Хорошо это или плохо? Поможет это ей в подземке или помешает? К чему гадать — скоро она узнает.

Они пересекли окружную с интервалом в несколько минут. Абориген двигался с прежней скоростью. Ковылял, как сломанная игрушка. В постройках мотеля, расположенного на въезде в город, все окна были темными, стоянка пустовала. Ржавый флюгер в форме седана всегда указывал на юг. В тарелке спутниковой антенны лежала огромная нетронутая порция снега. Следы шин грузовика на дороге уже были едва различимы.

В старых фильмах города обычно кишели людьми. Девушка знала другое: на улицах было малоллюдно в любое время суток, а сейчас окраина выглядела вымершей. И абориген своим присутствием, как всегда, не добавлял жизни. Она поймала себя на том, что ей нравилось представлять следующее: она одна; все остальные исчезли. В этом чувстве не было ни малейшей примеси собственнического инстинкта — даже в мертвом городе ничто не принадлежало бы ей. «Владение» потеряло бы всякий смысл. Она испытывала что-то вроде темного прилива внутри, наступление ночи, которая затапливала и ее саму, и все вокруг. Сквозь эту муть тускло сияли синие огни...

...оказавшиеся прожекторами на телевышке.

Пятна света, размазанные метелью, висели высоко в небе над ломаной линией крыш. Ной свернул за угол и направился туда, куда она и ожидала, — к ближайшему входу в подземку. Правда, по пути он зашел в круглосуточно открытую аптеку. Это было странно; девушка никогда не видела, чтобы аборигены принимали лекарства. Выйдя из аптеки, он спрятал что-то в карман и поплелся дальше.

На улицах появилось несколько прохожих, и теперь она не слишком заботилась о том, чтобы остаться незамеченной. Ной, похоже, не имел привычки оглядываться или смотреть по сторонам; словно его внимание было сужено до щели, равной по ширине расстоянию между зрачками. Он редко поворачивал голову, в основном все тело целиком. Впервые за несколько лет девушка пристально наблюдала за ним и не могла понять, почему ей кажется, что это не тот Ной, которого она знала прежде. Вероятно, дело было в изменившейся обстановке — здесь абориген превратился в еще одну неперевавленную кость, ползущую по кишкам города.

Вход в подземку никак не был обозначен. Невысокий каменный парапет с трех сторон огораживал прямоугольную нору. С уровня асфальта вниз вводила пологая лестница, почти полностью засыпанная снегом. Под южной стеной образовался откос, и остался проход шириной не

более полуметра. Судя по отсутствию следов, подземке перенаселение тоже не угрожало.

Ной спустился по лестнице и вскоре полностью скрылся из виду. Девушка выждала несколько секунд, огляделась по сторонам — никому не было до нее никакого дела — и последовала за напарником. Ступая след в след — снега в проходе по колено, — она убедилась в том, что абориген точно попадал на ступеньки и ни разу не поскользнулся. То ли ориентировался по едва заметным неровностям на крашеной стене справа, то ли обладал неведомым чутьем. Если бы внизу выяснилось, что он еще и видит в темноте, она решила бы, что сильно недооценивала аборигенов, однако ее глаза уже привыкли к сумраку после наружной белизны.

На глубине пяти-шести метров лестница кончилась; от площадки тянулся влево горизонтальный подземный коридор. Снега тут почти не было, зато на выщербленном полу хватало намерзшего льда. Первый светильник, источавший красноватое сияние, находился примерно в тридцати шагах от поворота, поэтому начальный участок пути казался особенно темным.

Посмотрев за угол, она едва различила фигуру аборигена, тут же скрывшуюся за очередным поворотом. На секунду мелькнула мысль бросить эту дурацкую слежку. Какое ей дело до того, где и

как проведет абориген ближайшие сутки? Но тут же она представила, что ожидало ее наверху. Белый опостылевший город. Тоскливый вой ветра. Скованная льдом река. Некуда идти. Она будет бесцельно шататься по улицам и убивать время, пока не замерзнет окончательно. И тогда придется искать какую-нибудь рыгаловку, где можно выпить горячего пойла из треснутой чашки и немного согреться... Все это она готова была в любой момент променять на что угодно. А если ничего другого не подвернется, сойдут страх и предчувствие опасности... которых она пока не испытывала.

Честно говоря, девушка сильно подозревала, что подземка окажется всего лишь темным двойником города, чем-то вроде грязной ночлежки для аборигенов. Значит, она тем более не рисковала.

* * *

Она свернула за угол и оказалась в длинном туннеле, разделенном надвое рядом колонн. Ной уже был едва виден — точнее не сам Ной, а его переползавшие одна в другую тени, похожие на черные крылья бьющейся в тесноте птицы. Он двигался по левой стороне туннеля. Девушка пошла по правой, ступая осторожно и тихо, — звуки

сделались гулками и разносились далеко. Во всяком случае, сбивающийся шаг хромоногого аборигена она слышала отчетливо. Ее могла выдать собственная тень, но с некоторых пор у нее появилась невесть откуда взявшаяся уверенность, что пробираться скрытно уже не имеет смысла.

Очередной поворот. Туннель с арочным сводом. Вдоль одной стены тянулась почти сплошная полоса очень тусклых газоразрядных ламп и пять или шесть кабельных линий. Легкий сквозняк, несущий неприятный запах — что-то с тепловатой гнильцой, напоминавшее об отбросах. И, кроме тихого гудения ламп, — какие-то звуки на пределе слышимости, словно разговоры за стеной. Издали абориген казался маленьким и очень одиноким. Себе самой девушка казалась слегка заторможенной и очень безрассудной.

Так же, как и Ной, она беспрепятственно преодолела турникет. Датчики были отключены, все стоящие в два ряда автоматы и банкоматы обесточены. Впереди сделалось самую малость светлее. Сначала она увидела край платформы, расположенной на десятков метров глубже уровня туннеля, а затем и всю платформу целиком. По обе стороны от нее были проложены рельсовые пути. Вниз вела широкая лестница со сбитыми ступенями.

Абориген уже спустился и ковылял между

павильонами, прилавками и палатками, хаотически расставленными на платформе. Это отдаленно напоминало городской блошиный рынок, на котором торговали оптом и в розницу минувшими временами, — едва ли не единственное место в городе, где девушке нравилось бывать. Правда, здесь всё как будто застыло в летаргическом сне. Тем не менее могло оказаться, что абориген достиг конечной цели своего пути, а значит, и она тоже. Очутиться на барахолке для аборигенов — не совсем то, о чем она мечтала, если вообще о чем-то мечтала. Чтобы сдохнуть от скуки, незачем тащить задницу так далеко; есть и другие места. Например, заправочная станция.

Но раз уж она пришла сюда, то решила осмотреться. Денег у нее было чуть больше, чем обычно, — на всякий случай. Она готовилась к непредвиденным тратам. И если вернуться с сувениром из подземки, день можно будет считать не самым серым в ее жизни.

Когда девушка ступила на платформу, фигура аборигена уже затерялась среди здешних сооружений, которые, судя по отложениям пыли и мелкого мусора, стояли на своих местах достаточно давно. Она откинула капюшон. Откуда-то по-прежнему доносились неясные шумы, но определить положение источника было сложно — звук многократно отражался от свода. Кое-где

болтались голые лампочки, к которым были подведены мохнатые от пыли провода, протянутые на высоте в полтора-два человеческих роста и образовавшие редкую сеть. В некоторых палатках свет горел внутри, а отдельные лучики пробивались наружу через щели и ветхую ткань.

Девушка двинулась к ближайшему проходу между шатром, облепленным символикаой какой-то «Христианско-социалистической партии», и прилавком с насаженными на вертикальные оси автомобильными колесами. Все колеса медленно и почти бесшумно вращались. Вероятно, их привел в движение Ной, но она все же заглянула под прилавок и ничего там не обнаружила. Она постояла минуту или две; колеса продолжали вращаться...

За спиной раздались глухие звуки, словно кто-то принялся выбивать матрас, гоня блох (в этом деле у нее был кое-какой опыт), или (отчего-то ей и это пришло в голову) барабанить пальцами по надутым щекам. Обернувшись, она решила, что звуки доносятся из шатра. Вход был как раз перед ней — темный проем под небольшим навесом из ткани, натянутой на трубчатый каркас. Дополнительно его прикрывали шторы с дугообразными краями.

Раздвинув шторы, она увидела металлическую дверь с наружным запором и узким

вертикальным зарешеченным окошком, которая выглядела неуместно, чтобы не сказать странно, — как, впрочем, и почти все остальное здесь. Она заметила также резиновый уплотнитель по контуру двери и двойные отражения в стеклах, заключавших между собой косоугольную решетку.

Она приблизилась к двери вплотную и заглянула в окошко. Невольно отшатнулась. Затем ее рука потянулась к никелированной ручке.

— Осторожнее, дорогуша, — произнес позади нее мягкий вкрадчивый голос. Совсем рядом. Ей даже показалось, что волосы на затылке обдало чужим дыханием.

Девушка заставила себя повернуть голову медленно, понимая, что, если бы ей грозило худшее, оно бы уже произошло. Но все-таки она вытащила из кармана другую руку, в которой держала кастет.

На вид абориген был вполне безобиден. Помоложе Ноя, с жиденькой бахромой волос на висках и затылке. Сероватая кожа, узкое лицо, два передних верхних зуба торчат между губами. Одет в когда-то желтый купальный халат, на ногах — резиновые сапоги. Мокрые, надо же. Запах какого-то косметического средства исходил, скорее всего, от халата.

— Осторожнее, — повторил абориген. — Никогда не знаешь, как он себя поведет.